

Чего мы не знаем?

Не только мировая экономика, но и все современное человечество находится в состоянии глубочайшего кризиса: перехода в некое качественно новое состояние.

Хочется верить, что оно будет равновесным и относительно стабильным, но опыт последней четверти века заставляет заподозрить коренное изменение самого понятия «стабильность», сводящееся на практике лишь к постоянству все более разнообразных изменений.

Самый очевидный, самый наглядный (но отнюдь не единственный и вовсе не обязательно главный) фактор, преобразующий нашу жизнь, — смена технологического базиса: переход от индустриальных технологий к постиндустриальным (на первом этапе информационным, а затем, возможно, биологическим). При этом, помимо широко популяризируемых и ставших благодаря этому уже традиционными новых технологий (сланцевые и 3D-печать), в соответствии с прогнозами ИПРОГ еще конца 1990-х годов бурно развиваются принципиально отличающиеся от обычных технологий классы метатехнологий (использование которых лишает возможности конкурировать с их разработчиком) и технологий «high-hume» (направленных на изменение человека), социальное воздействие которых по меньшей мере нетривиально.

В результате драматически меняются даже те параметры общества и действующей в нем личности, которые многие исследователи привыкли считать объективно обусловленными константами.

Меняется не только характер действия и соотношение значимости различных факторов — меняются сами эти факторы (на всех уровнях, от семьи до надгосударственной конкуренции), во многом трансформируется и облик человечества.

Несмотря на высочайшую степень неопределенности, многие параметры нашего будущего представляются понятными и заслуживают

ДЕЛЯГИН Михаил Геннадьевич — главный редактор журнала «Свободная Мысль», профессор, доктор экономических наук.

Ключевые слова: футурология, мир в XXI веке, кризис среднего класса, социальная ценность знания, кризис современного образования, технологический коллапс, информационный контроль, техногенные катастрофы, глобализация, технологический шок.

скорейшего объединения в единую систему. Эта грандиозная задача — главное, что предстоит сделать общественным наукам в ближайшие годы. Но чтобы приступить к этой волнующей работе, представляется необходимым определить и хотя бы бегло описать наиболее важные, «узловые» зоны неопределенности и сформулировать вопросы, ответы на которые будут иметь наибольшее как теоретическое (для познания наиболее вероятного будущего), так и практическое (для подготовки к нему) значение.

Постановка этих вопросов автоматически становится и планом наиболее перспективных исследований в сфере общественных наук — по крайней мере на их первом, начинающемся в настоящее время этапе.

Распад мира: каким он будет?

В настоящее время среди обдумывающих тему глобального кризиса, несмотря на невообразимую пестроту взглядов и подходов, практически сложился консенсус по поводу того, что экономический кризис вызван загниванием глобальных монополий.

Это загнивание проявляется и в долговом кризисе, и в инфантилизме (порой далеко за гранью идиотизма) государственного и официального корпоративного управления, и в надувании разнообразных спекулятивных пузырей.

Сходятся аналитики и в том, что загнивание глобальных монополий, сделав главной ценностью спрос как таковой, приведет к дальнейшему росту протекционизма (идущему по меньшей мере с конца 2008 года) — вплоть до разделения мира на макрорегионы, то есть валютные и таможенные зоны, которые вступят друг с другом в непримиримую и хаотическую конкуренцию по образцу межвоенного периода.

Однако ряд принципиальных вопросов пока остается без ответа.

Прежде всего, каков наиболее вероятный сценарий срыва человечества в депрессию и распада единых глобальных рынков на макрорегионы? Предполагается, что толчок этому даст замедление развития Китая (а возможно, и его частичная деиндустриализация в случае бурного развития 3D-печати), однако понимание непосредственной причины этого качественного перехода и его протекания пока блистательно отсутствует.

Естественно, ключевым вопросом является, удастся ли разделить глобальный рынок (и, вероятно, списать огромную массу безнадежных долгов) без разжигания новой чудовищной мировой войны с десятками, а то и сотнями миллионов жертв и реальной перспективой применения ядерного оружия.

Без ставших привычными после уничтожения Советского Союза эскалации локальных войн и так называемых конфликтов малой интенсивности, похоже, обойтись не удастся, — но на фоне перспективы новой мировой войны они представляются классическим «меньшим злом». Тем не менее вопрос об их динамике, характере и жертвах, не говоря о наиболее важном с практической точки зрения вопросе о границах их

распространения, также не имеет не то чтобы правдоподобных ответов, но даже внятной постановки.

Неясно и то, каковы будут масштабы и глубина распада глобальных рынков. Понятно, что рынки мобильной связи и интернет-услуг, скорее всего, останутся глобальными, как и криминальные рынки, включая рынки нелегальных финансовых услуг, часть из которых, подобно криптовалютам, будет обслуживать нужды глобального управляющего класса.

Вполне понятным представляется и уже фактически произошедшее разделение мира на зоны доллара, юаня и евро (ведущиеся с 2006 года разговоры о необходимости создания «зоны рубля», к сожалению, до сих пор остаются не более чем бесплодной болтовней). Однако как будут разделяться остальные рынки и будут ли существовать серьезные барьеры для движения рабочей силы, капиталов и даже товаров внутри тех же самых валютных зон, пока еще совершенно не ясно.

В практической конкуренции эффективность и развитость проявляются прежде всего в умении переложить свои проблемы на чужие плечи, заставить расплачиваться за свои грехи более слабые общества.

Нельзя исключить и того, что ликвидация в результате глобальной экономической катастрофы финансовой спекулятивной надстройки (по крайней мере, в ее нынешнем, абсурдно раздутым виде) приведет к восстановлению в той или иной форме золотого стандарта: обеспечиваемая им защита от чрезмерных спекуляций покажется измученному человечеству более привлекательной, чем ограничиваемые им возможности быстрого наращивания деловой активности.

Крайне важным представляется и вопрос о географическом распределении, локализации глобального ущерба от срыва в депрессию.

Теоретически в наибольшей степени должно пострадать население развитых стран: чем выше комфорт, тем болезненней переход в бараки и землянки, да и разрыв между доходами и потреблением, пока компенсируемый наращиванием разнообразных долгов, у них максимален.

Однако в практической конкуренции эффективность и развитость проявляются прежде всего в умении переложить свои проблемы на чужие плечи, заставить расплачиваться за свои грехи (начиная с переадресации) более слабые общества.

Мы вот уже полтора десятилетия наблюдаем, как благодаря филигранному управленческому мастерству и незамутненному стратегическому видению развитые страны (в первую очередь, разумеется, США) успешно избегают кажущегося неизбежным срыва в глобальную депрессию за счет дестабилизации и погружения в кровавый хаос все

новых и новых, еще недавно вполне благополучных, стран и даже целых регионов.

Весьма вероятно, что и в условиях срыва в глобальную депрессию (которого можно избегать долго, но отнюдь не бесконечно) развитые общества сумеют вновь, как это не раз бывало в прошлые кризисы, переложить значительную часть своих потерь на остальной мир. В этом случае их некоторое обеднение (с сохранением основ социальной структуры и управляемости, что представляется важнейшей ценностью будущего) будет сопровождаться не просто погружением в нищету, но и разрушением значительной части неразвитых экономик, их хаотизацией и дегуманизацией, расчеловечиванием соответствующих обществ.

Технологический шок: глубина и разнообразие

Самым важным парадоксом информационных технологий представляется то, что мир становится менее познаваемым, — прежде всего из-за нарастания обратных связей, заслоняющих собой предмет рассмотрения, а также превращения в основное занятие человечества изменения не окружающего мира, а собственного сознания.

Снижение познаваемости мира является ключевым выражением архаизации человечества, грозным признаком завершения линейного участка спирали общественного прогресса: технологический прогресс еще продолжается, но уже ведет к регрессу, а не прогрессу в социальной сфере — с соответствующим разрушением всей привычной нам прогрессистской в своей основе системы мировоззрения.

К чему мы придем, какие социальные рефлексy пробудим изменением нашего развития, длительным исчезновением привычных перспектив «светлого будущего», искривлением привычного линейного исторического времени, а то и полным сворачиванием его в диалектическую спираль, раньше применявшуюся только к «проклятому и навсегда изжитому» прошлому, — непонятно.

Понятно другое: снижение познаваемости мира (равно как и изменение предмета труда человечества, уже не требующее максимума знаний о максимуме явлений) снижает и социальную значимость знания, и потребность в нем. Отсюда катастрофическое вырождение науки в поддержание престижного для общества социального уклада, а образования — в средневековый инструмент социального контроля.

В этой ситуации остается пугающе открытым вопрос даже не только о приращении новых, сколько о сохранении уже добытых человечеством знаний. Ведь в силу самой его природы тайное знание неминуемо умирает, вырождаясь из поиска истины в ритуалы и суеверия, — и узкие научные школы и обособленные учебные заведения, сохраняемые глобальной элитой в надежде на воспроизводство своего могущества, в силу самой своей изолированности обречены на гибель и вырождение.

Наглядным проявлением этого является отчаянная нехватка квалифицированных инженеров, переживаемая даже самыми развитыми странами, включая Германию и США.

Для мира это означает вполне реальную угрозу технологической деградации и масштабных катастроф, способных (в случае утраты части технологий жизнеобеспечения) привести к заметному сокращению численности человечества.

Еще более существенную угрозу техногенных катастроф создаст и представляющееся сейчас неизбежным разделение глобального рынка на макрорегионы. Скорее всего, многие ключевые рынки сузятся при этом до размеров, не позволяющих поддерживать многие из существующих сегодня и привычных нам технологий, в том числе, возможно, и технологий жизнеобеспечения.

Например, многие постоянно обновляющиеся (в силу «привыкания» к ним болезнетворных вирусов и бактерий) современные антибиотики исключительно дороги — и требуют для своего производства масштабных рынков. Сокращение последних может сделать соответствующие производства и, главное, исследования нерентабельными, в результате чего создание новых антибиотиков остановится (возможно, старые будут выпускаться под новыми наименованиями, но эта иллюзия подействует лишь на потребителей, а не на возбудителей болезней), и человечество начнет страдать многими недугами, на которые оно привыкло не обращать внимание, но которые легко могут стать смертельными.

Понятно, что злоупотребление монопольным положением, естественное для глобальных фармацевтических гигантов, существенно осложнит и усугубит ситуацию — равно как и сознательные действия глобальных монополий, являющихся частью глобального управляющего класса, по закреплению своего господства не только финансовыми, информационными и политическими методами, но и прямой угрозой прекращения поставок жизненно важных технологий и их продукции.

Помимо лекарств, «зоной риска» является продовольствие, критически значимая для мира часть которого уже сейчас производится на основе генно-модифицированных организмов (и не дает потомства, что обеспечивает полную зависимость от производителя, а также требует специальных средств ухода, выпускаемых также только производителем). Существенно, что и «обычные» семена в силу используемых технологий селекционной работы быстро вырождаются и требуют постоянного скрещивания со своими дикими предшественниками — коллекции семян которых в мире ограничены. То, что крупнейшая коллекция создана под покровительством Гейтса на Шпицбергене, позволяет предположить внимание глобального управляющего класса к этой теме и готовность его к активным действиям (вплоть до диверсионного уничтожения альтернативных коллекций диких семян для закрепления своей монополии).

Сокращение размеров рынков в сочетании с активной разрушительной деятельностью глобальных монополий, направленной на демон-

стративное уничтожение «непослушных» потребителей, создает колоссальные технологические риски.

Весьма вероятно, что часть макрорегионов будет разрушена из-за краха технологий жизнеобеспечения; с другой стороны, часть глобальных монополий сохранит контроль за несколькими макрорегионами. Вместе с тем вероятно бурное распространение дешевых, простых и общедоступных технологий, длительное время блокируемое глобальным бизнесом и государственными бюрократиями. В силу своей сверхпроизводительности эти технологии получили название «закрывающие», так как их применение приведет к закрытию колоссального числа рабочих мест на традиционных предприятиях и к краху монополий, в том числе и глобальных.

Понятно, что не все сложные технологии могут быть заменены «закрывающими», и не у всех макрорегионов получится это сделать; другим важным способом сохранения технологий жизнеобеспечения станет отказ от рыночных отношений и переход на распределительные принципы их использования внутри макрорегиона.

Излишне говорить, что сегодня остается совершенно не ясным ни то, какие макрорегионы и в какой степени пострадают от сжатия рынков и диктата монополий, ни то, как они будут комбинировать возможные реакции, ни то, каковы вообще будут их очертания. Не стоит забывать, что разные глобальные рынки будут распадаться по-разному, и некоторые формально (а возможно, и на самом деле) существующие государства своими разными рынками продукции и технологий, вполне возможно, будут входить в разные макрорегионы.

Диалектика технологий

Одной из наиболее интересных проблем современности представляется будущее технологического развития.

Примерно на рубеже 1960–1970-х годов человечество перенесло центр тяжести своих интеллектуальных усилий и финансовых вложений в науку с технологий изменения окружающего мира на технологии управления собой (прошлый раз такое было в конце XIX века, однако высшие достижения психологии, насколько можно судить, в 1930-е годы были взяты под контроль различными авторитарными режимами или, в формально демократических странах, авторитарными группами и, выродившись в «тайное знание», погибли или законсервировались). Непосредственным выражением этого были, правда, уже не психология и евгеника, а разработка компьютерных технологий и технологий управления поведением (через управление в процессе работы и развлечений, а также маркетинг).

К настоящему времени выдающиеся технологические наработки, поражающие воображение, проявляются лишь в этой последней сфере, — однако и здесь они являются результатом коммерциализации открытых во время «холодной войны» технологических принципов.

Открытие же самих этих принципов, насколько можно судить, практически прекратилось.

Главная причина — нерыночный характер прорывных исследований: высочайшая неопределенность результата позволяет инвестировать в них лишь под угрозой физического уничтожения; завершение «холодной войны», ликвидировав эту угрозу, лишило эту нерыночную деятельность единственного стимула.

Не менее важно и распространение демократии: люди склонны отказываться от неопределенного, даже сколько угодно светлого будущего в пользу текущего потребления. Влияя на принятие решений, они не позволяют финансировать исследования с неопределенным результатом.

Наконец, глобальные монополии сознают, что технологический прогресс является прямой угрозой их власти и благополучию, и тормозят его, в частности, при помощи института защиты прав интеллектуальной собственности.

В результате технологический прогресс очевидным образом тормозится, а с учетом фактической ликвидации массовых науки и образования может и вовсе смениться технологической деградацией.

Однако этот апокалиптический вывод не подтверждается фактом распространения заметного числа новых технологий, уже преобразующих мир. После долгого перерыва они распространились далеко за пределы компьютерной и информационной сфер.

Прежде всего, мы видим интеграцию компьютерных технологий с индустриальными, качественно повышающую эффективность последних. Мало кто заметил, что первым результатом этого процесса стала мобильная связь во всей своей комфортной многообразности; но сейчас уже и второе проявление технологий этого класса — добыча газа и нефти из сланцев — наглядным образом преобразует как геоэкономику, так и геополитику.

Генетическая модификация растений стала нормой, позволяющей выращивать их сорта с заранее заданными свойствами — подобно производству композитов «под имеющуюся потребность».

Важным направлением развития технологий является переход от механической обработки материала к воздействию на него полями (прежде всего электромагнитными) и к формированию его, проявлением чего стала 3D-печать. Ее удешевление кардинально изменит всю сферу производства, нашу повседневную жизнь, а главное — мировое разделение труда: возможно, именно она приведет (наряду с распространением промышленных роботов) к частичной деиндустриализации Китая и станет фактором, который столкнет мир в глобальную депрессию.

Характерно, что технологии 3D-печати изобретены достаточно давно, и их нынешнее распространение связано всего лишь с истечением срока патентной защиты. Не вызывает сомнений, что в отсутствие потребности в сильном росте производительности труда эта защита скорее всего была бы продлена, и технологии не начали бы распространяться и совершенствоваться.

Возникает ощущение, что мы присутствуем при качественном ослаблении глобального монополизма как мотива поведения (отнюдь не обязательно как самих глобальных монополий: они могут начать переходить к некое иное, нерыночное качество или надеяться научиться укреплять свой монополизм и в условиях развития технологий) и при досрочном, до распада глобального рынка на макрорегионы, выходе «закрывающихся» технологий на авансцену мирового развития.

Однако нельзя исключить и принципиально иной оценки: наблюдается всего лишь «дальнее эхо» коммерциализации новых технологических принципов, открытых во время «холодной войны», которое вот-вот затихнет и, растревожив рынки и не найдя адекватных специалистов для своего развития, сойдет на нет.

Ответ на вопрос о том, какая из этих гипотез правильна, станет ответом и в вопросе о всем будущем мировой цивилизации, — но пока еще этот ответ остается неизвестен, причем в основном из-за того, что мы, как отмечал еще Пушкин, «ленивы и нелюбопытны».

Вместе с тем в настоящее время мы наблюдаем поразительное сочетание одновременно бурного совершенствования и угрожающей деградации технологий, — и эта диалектика пока не поддается осознанию в рамках единой теории, потребность в которой, соответственно, нарастает с каждым днем.

Падение социальной ценности знания: где граница?

Под воздействием бурно развивающихся технологий достаточно быстро меняется сам характер человеческого мышления.

Прежде всего, компьютеры, делая равно доступными для всех формальную логику, выталкивают человечество в пространство внелогического — творческого и мистического — мышления. Учитывая принципиальные трудности в управлении творческими людьми (так как «коллективы единомышленников» как наиболее эффективная и потому успешная форма организации людей стремительно вырождаются в «стаи криэйторов»), так и не решенные с середины прошлого века, уже одно это может привести к полной дезорганизации текущей деятельности человечества.

Способность к творчеству, стремительно становясь главным условием конкурентоспособности личности и коллектива, предъявляет качественно новые требования к педагогике: она умеет развивать логические, но не творческие способности (за исключением отдельных достижений «экспериментальной» советской педагогики) — и, с учетом своей деградации, вряд ли сможет быстро научиться делать это.

В результате межличностная конкуренция станет более биологизированной, более связанной с врожденными свойствами личности и менее социальной, чем сейчас, — и разные культуры, доминирующие в разных макрорегионах, будут давать на этот вызов разные ответы, по-разному определяющие их судьбу.

Понятно, что, чем демократичнее (не формально, а реально) та или иная культура, чем доступнее в ней «социальные лифты», тем более конкурентоспособной она будет в новой ситуации. Однако новые требования противоестественны для любой элиты, в том числе формально демократической, так как требуют от нее принесения в жертву интересов своих недостаточно талантливых детей в пользу выскочек из «простонародья». Либеральная реформа образования (пресловутый Болонский процесс), разрушая саму возможность создания «социальных лифтов», действительно пресекает такую перспективу — кардинально повышая шансы в глобальной конкуренции того макрорегиона, который сумеет восстановить у себя классическое комплексное (а то и стимулирующее творчество) образование.

Принципиально важно, что снижение значимости логического мышления в пользу внелогического, базирующегося на образах (это касается и творческого, и мистического его типов) создает ряд уже вполне ощутимых проблем, которые в силу своей парадоксальности для нашего в основном пока еще по-прежнему логического сознания воспринимаются не как базовые закономерности, а как случайные досадные флуктуации, — и потому, соответственно, не анализируются должным образом.

Прежде всего, закономерными, а отнюдь не случайными, являются нарастающие проблемы в коммуникации даже в единой культурной среде. Ведь внелогическое мышление не имеет того единого языка для взаимодействия разных типов сознания, который дает логика, оно оперирует образами, а образы у каждого свои.

Это нарушение настолько привычно для нас, что мы осознаем его как нечто отличное от самих себя, коммуникативной среды. Особенно значимо это с учетом исключительного значения, которое играет язык для формирования и развития личности, а единый общественный язык — для ее социализации. По сути дела, исчезновение единого универсального языка может привести и к распаду основанной на нем второй сигнальной системы, что может иметь весьма глубокие последствия для облика и даже самого существования человечества как такового.

Пока же мы наблюдаем намного более поверхностные изменения: широкое распространение такой формы самоорганизации общества, как секты (объединяющие людей на основе некритичного восприятия той или иной личности, явления или поведенческой практики, включая сексуальные и финансовые); а также рост значения эмоций в противовес интересам даже в осмысленной части поведения людей.

Сенсорное голодание, еще недавно бывшее специфической болезнью начальников и заключенных, стало нормой жизни для относительно развитой части человечества, — и мы наблюдаем, как эта часть все чаще жертвует ради эмоций (в том числе и осмысленно) своими интересами, даже казавшимися ранее неотъемлемыми.

Данные поведенческие и вызывающие их глубинные изменения кардинальным образом меняют требования к управляющим системам, и без того находящимся в полном смятении и резко понизившим эффективность своей даже текущей, рутинной деятельности.

Прежде всего, резкий рост объема информации совершенно очевидным образом превысил их обрабатывающие и аналитические возможности, да и возможности прямого восприятия тоже.

Как и в прошлый информационный взрыв (связанный с распространением книгопечатания), управляющие системы демонстрируют свою полную беспомощность перед экспоненциальным ростом людей, задумывающихся об абстрактных (то есть не связанных с их текущим выживанием) проблемах, приходящих в ходе этих размышлений (в силу отсутствия у них должной подготовки) к ошибочным выводам, которые, тем не менее, становятся частью их личностей, и начинающих энергично, а часто и самоотверженно действовать на основе этих выводов.

Прошлый раз (в результате изобретения книгопечатания) это закончилось Реформацией и чудовищными религиозными войнами; нынешние последствия остаются неопределенными, но вряд ли будут менее масштабными и разрушительными.

Социальные сети: несущая структура ноосферы?

Весьма драматическим представляется изменение типа личности в результате систематического взаимодействия с компьютером в детстве — на этапе ее формирования.

Множественно замечено, что психология профессионалов-компьютерщиков — системных администраторов, программистов и так далее — отличается от психологии обычных людей до такой степени, что существенно затрудняет общение даже тогда, когда оно является жизненно необходимым для обеих сторон (например, на работе). А ведь детство большинства профессионалов прошло в еще докомпьютерную эпоху, и наблюдаемые отклонения являются приобретенными в ходе лишь профессионального, но никак не личностного становления!

Психологи и педагоги, анализируя личности подростков, сформировавшиеся под влиянием компьютерных технологий и социальных сетей, отмечают прежде всего их высокую пластичность, отсутствие в них устойчивых структур, формируемых лишь самостоятельными усилиями и глубоким самостоятельным «проживанием» событий собственной жизни.

Возможность получать требуемые эмоции в готовом виде не только не развивает способность к сопереживанию и ведет к формированию «социальных аутистов», личностей с ослабленными обратными связями. Отсутствие необходимости в собственных усилиях для получения эмоций лишает личность истории ее собственного роста как ее неотъемлемой части, атрофирует волевые качества (часто при наличии упорства и энергетичности) и всю сферу, связанную с самосознанием.

«Новые люди» могут быть целеустремленными, энергичными и настойчивыми, однако они ставят перед собой цели случайным образом, под хаотичным влиянием внешней среды.

С учетом того, что главным критерием разума как такового является именно способность к сознательному целеполаганию, в страте-

гической перспективе вырисовывается вопрос о самом сохранении разумности человека в ее классической, привычной для нас интерпретации.

Определенные движения к отказу от нее проявляются, кстати, и в сфере научной деятельности. Так, в прошлом десятилетии широкую популярность в науке приобрел метод «форсайта», то есть озарений, основанный на принципиальном отказе от выведения и анализа причинно-следственных связей в пользу фантазий, возводимых в перл творения. Являясь логической попыткой оформления и обоснования, а на самом деле — простой имитации принципиально внелогических форм мышления, методология «форсайта» обычно использовалась в корыстных целях — для продвижения интеллектуально сомнительных, но политически выгодных гипотез. Тем не менее само ее появление является внятным признаком последовательного отказа от логического мышления даже в научной сфере, выражающим если не осознание, то, во всяком случае, ощущение снижения значимости логического мышления.

Характерным в этом плане является и теория «черного лебедя» Талеба, получившая колоссальную популярность и сводящаяся к возведению собственной неспособности осознать происходящее в перл творения и в признак приобщенности к высшему знанию. То, что еще недавно воспринималось как мобилизующий сигнал крайнего неблагополучия, грозящий опасностями и требующий напрячь интеллектуальные способности для постановки и решения качественно новой задачи, теперь (вероятно, не только от лени, но и от отчаяния) трактуется как всеобъемлющая и все объясняющая научная гипотеза!

Весьма существенной в этом плане представляется и наиболее перспективная сегодня технология обработки огромных массивов информации Big Data, позволяющая находить качественно новые закономерности. Принципиально важным элементом этой качественно новой технологии научной и в целом интеллектуальной деятельности служит принципиальный же отказ от осмысления полученных результатов и поиска их причин.

Открыто и с восторгом неофитов постулируется идея не только непостижимости ряда результатов на данном этапе развития (что, строго говоря, представляется нормальным), но и полной ненужности этого постижения! Отказ от качественного осмысления полученного количественной обработкой данных результата оказывается не просто новым стандартом (мало ли что взбредет в головы жертв деградирующей системы образования), но и действительно успешной технологией повышения эффективности интеллектуального труда.

Конечно, концентрация на результате при игнорировании его фундаментальных причин является неизбежной для любой прикладной науки (кичащимся достижениями фундаментальной науки нелишне вспомнить, что она до сих пор не смогла объяснить, например, причины появления электрического тока) и действительно временно повышает ее эффективность, — в этом ничего нового нет.

Новое заключается в принципиальном отказе даже от попыток фундаментального осмысления получаемых результатов, в утрате интереса к устройству мира, в не то что неспособности, а утрате понимания смысла объяснения получаемых результатов.

Это производит впечатление нового этапа развития человека, связанного с отчетливой деградацией отдельно взятой личности.

В связи с этим не стоит забывать, что роботы в принципе могут быть не только компьютерными, промышленными или домашними, являющимися программами или вещами, но и социальными, включающими в свой состав человеческие личности, отнюдь не обязательно сознающие (а скорее всего, как правило, не сознающие) свою роль.

Инфантилизм и упрощение личности (давно замеченные и описанные, например, в США), превращение ее, по сути дела, в «частичную личность», «частичного члена общества» по аналогии с «частичным работником» эпохи конвейера могут быть еще и признаками включения ее в некоторый надличностный контур, который мы не можем увидеть в силу ограниченности возможностей индивидуального восприятия и наличие которого можем лишь описывать по некоторым косвенным признакам.

В этом отношении, возможно, провиденная Вернадским ноосфера (или являющееся ее частью коллективное сознание) уже наступила, — и человеческая личность, пытавшаяся осознать себя в качестве венца творения, ужалась до ее простой функциональной клеточки.

Мир без среднего класса: под «железной пятой»?

На фоне этих фундаментальных пугающих проблем вопрос о судьбе среднего класса может показаться эгоистически мелким, а с другой стороны — вполне очевидным.

В самом деле: производительность новых, в первую очередь информационных технологий резко снижает численность людей, нужных для производства потребляемых человечеством материальных и духовных благ.

Пока главным субъектом политики было государство, оно так или иначе сдерживало технологический прогресс ради сохранения удобной для него социальной структуры. Однако с уничтожением Советского Союза и началом глобализации главным субъектом мировой политики окончательно стал глобальный бизнес (на Западе его победа была одержана с отставкой Никсона), — а логика фирмы, в отличие от логики общества, требует оптимизации издержек.

В данном случае носителем издержек является средний класс, у которого разрыв между непосредственно производимыми и непосредственно же потребляемыми благами является максимальным. (Существенно, что его элементы могут быть необходимыми, но косвенными условиями для производства современных благ — например технологий, что может привести к утрате этих благ после социальной редукции среднего класса; но для фирмы, пусть и глобальной, это слишком сложное и неопределенное умозаключение: ей нужна прибыль «здесь и сейчас».)

Поэтому средний класс истребляется глобальным бизнесом в рамках борьбы с расточительностью, — и этот процесс дошел уже и до развитых стран.

Между тем именно средний класс предъявляет критически значимую часть спроса современного мира: редукция этого спроса означает обрушение рыночной экономики в жесточайший кризис спроса и глобальную депрессию.

Что будет представлять собой современная экономика без спроса среднего класса? — Этот вопрос остается открытым.

Вероятно, рынок как средство организации общества исчерпал себя, и современный глобальный кризис является в том числе и кризисом рыночных отношений как таковых.

Знаменательно, что частная собственность сохранилась лишь на уровне малого, среднего и частично крупного национального бизнеса; на уровне глобального бизнеса, как правило, даже значимые акционеры в массе своей не могут, а главное — не хотят реализовать свои права собственников, что означает фактическую отмену частной собственности, этого фундамента рыночных отношений.

Наконец, важным изменением, свидетельствующим об исчерпанности рыночных отношений, является снижении значимости денег и рост значения технологий, которые в ряде случаев становятся принципиально неотчуждаемыми от их разработчика (продается, как это все чаще бывает в случае даже программного обеспечения, не сама технология, но лишь право пользоваться ею — то есть технологии, как и интеллект, не продаются, но лишь передаются в аренду).

Весьма существенной представляется и трансформация демократии: ее сегодняшний кризис — ничто на фоне того, что ждет ее в случае исчезновения среднего класса, ее источника и обоснования.

Вероятно, она заменится жесткой информационной диктатурой, способной во многом оторвать людей от реальности и в значительной степени контролировать структуру их потребностей (что касается общественных потребностей, такой контроль скорее всего будет полным). Некоторое предвещие подобной информационной диктатуры (по ее эффективности и тотальности) мы наблюдаем в настоящее время на погружающейся в откровенное безумие Украине: первый блин обычно действительно выходит комом.

Вероятно, человечество возвращается к некоему новому феодализму, в котором огромные массы «лишних» людей будут жить под жестким и не осознаваемым ими информационным контролем на социальных пособиях в условиях генерируемых коллективных эмоций и поддерживаемой для обеспечения контроля искусственной напряженности. В определенных ситуациях они могут уничтожаться, хотя в целом их популяция будет поддерживаться для порождения талантов, нужных руководящей элите для обеспечения комфорта, а также участия в управлении и внешней конкуренции.

Однако положение самой элиты, в силу ее неизбежной корыстной узости и обусловленной этим неспособностью поддерживать необходи-

мый объем знаний и технологий, будет крайне неустойчивым и неопределенным.

Разумеется, перечень открытых, не имеющих очевидного решения вопросов, встающих перед человечеством в момент его качественного изменения, перехода в некое новое состояние, значительно шире: жанр журнальной статьи имеет объективные ограничения.

Тем не менее даже тщательное осмысление довольно узкого круга поднятых проблем способствует, как представляется, качественному повышению степени определенности нашего развития и, соответственно, степени управляемости наших обществ.

Расширение же по сравнению с намеченным в настоящей статье кругом изучаемых проблем, связанных с нашей трансформацией и нашим не таким уж и отдаленным будущим, и вовсе, каким бы самонадеянным это ни казалось сейчас, способно привести к восстановлению общественной науки в качестве инструмента поиска истины и обеспечения позитивного прогресса человечества. ◆